

К ТИПОЛОГИИ КОМИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЧАСТЬ I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ФОРМАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Данная работа посвящена типологическому изучению комитативных конструкций в языках мира. Пример комитативной конструкции представлен в баскском предложении (i) и его русском переводе:

баскский (изолят, ЕВРОПА)

(1.1) **ama** merkatu-ra joan da amona-**rekin**
мать рынок-LAT уходить AUX.3SG бабушка-СОМ

Мать пошла с бабушкой на рынок.

Большинство исследований, значимых для типологии комитатива, можно разделить на две группы. К первой группе относятся работы, более или менее полно описывающие комитативные конструкции (и сопряженные функции комитативных показателей) в конкретном языке или группе языков. Вторая, гораздо менее многочисленная группа включает типологические исследования комитатива. Ее ядро составляют работы Т. Штольца [Stolz 1996a; 1996b; 2001a; 2001b] и Л. Стассена [Stassen 2000], а также неопубликованная статья К. Лемана и Й.-М. Шин [Lehmann, Shin, unpublished]. Т. Штольца интересовали прежде всего связи комитатива с инструменталисом, а также с некоторыми другими функциями (агенс, локатив, посессив). Л. Стассен изучал связи между комитативом и сочинением именных групп. К. Леман и Й.-М. Шин описали «функциональную область сопутствования», включив в нее несколько семантически определяемых функций, в т. ч. комитатив.

Представляется, что именно связь комитатива с сочинением имеет первостепенное значение для понимания места комитативных конструкций в ряду средств референции к множественному участнику ситуации (и, шире, выражения собственно множественности участника). Именно функция выражения множественного участника является индивидуальной чертой комитативных показателей. Она не может быть сведена к падежным, обстоятельственным, атрибутивным и прочим отношениям, которые также могут выражаться с их помощью.

Данное исследование является шагом к систематизации типологических знаний о комитативе. В части I на комплексной формально-семантической основе выделяется класс собственно комитативных конструкций (§ 2). На признаках локуса маркирования комитатива и ограничений на синтаксическую функцию элементов конструкции строится формальная типология комитативных конструкций (§ 3). Во второй части статьи речь пойдет о конструкциях, использующих те же формальные показатели, что и собственно комитативные конструкции. Будет предложен инвентарь их семантических функций в языках мира.

1.2. О НАИМЕНОВАНИЯХ КОМИТАТИВА

Применение термина комитатив в современной лингвистической литературе нельзя назвать последовательным. С одной стороны, функции показателей, которые разные авторы называют комитативными, иногда практически не пересекаются. Так, в австралийской лингвистике комитативом традиционно называется показатель **именной деривации**, образующий прилагательные со значением ‘имеющий N’, ‘с N-ом’; эти прилагательные обычно могут выступать в синтаксических функциях определения, копредиката и предикатива (см. ч. II), но не в тех конструкциях, которые в данной работе рассматриваются как собственно комитативные (типа (1.1); подробнее см. § 2).

С другой стороны, показатели, выполняющие в разных языках сходную функцию («собственно комитативную» в терминах данной работы), в литературе встречаются под разными именами. В зарубежной литературе (реже в отечественной) употребительны термины социатив (англ. *sociative*, франц. *sociatif*) и ассоциатив (англ. *associative*). Встречаются также наименования унитив (франц. *unitif*), соединительный падеж, совместный, сопроводительный и др. Наконец, падежи, объединяющие функции комитатива и инструменталиса, упоминаются в литературе под именем совместно-орудийного / совместно-орудного или просто творительного падежа.

В данной работе в качестве основного принимается термин «комитатив» как наиболее распространенный и устоявшийся. Далее он употребляется: 1) как сокращение более точного термина «комитативная конструкция» — см. § 2.5; (2) как общее наименование для круга рассматриваемых явлений; (3) для обозначения грамматического падежа, с помощью которого в некотором языке образуются комитативные конструкции. Термин «социатив» резервируется для показателей категории совместности (см. § 2.3). Использование термина «ассоциатив» избегается. Для обозначения комитативных (в широком смысле) показателей, маркирующих приименное определение, предпочитается термин «проприетив».

2. РАБОЧЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОМИТАТИВА

2.1. УТОЧНЕНИЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1.1. КОМИТАТИВ В УЗКОМ И В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ

Знакомясь с различными употреблениями тех показателей, которые в сравнительно хорошо изученных языках принято относить к комитативным, можно обнаружить, что эти употребления распадаются на несколько типов. При этом не каждый комитативный показатель встречается в каждом типе употреблений. Рассмотрим следующие примеры:

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ	[собс.]
(2.1) <i>Мать пошла [с бабушкой] на рынок.</i>	А
(2.2) <i>[Мать с бабушкой] пошли на рынок.</i>	Б
(2.3) <i>[Мы_{i+j} с бабушкой_j] пошли на рынок.</i>	В
(2.4) <i>Дверь открыл [слуга с пышными бакенбардами].</i>	Г
(2.5) <i>Петя пришел к нам в гости [с альбомом новых фотографий].</i>	Д
баскский (изолят, Европа)	[собс.]
(2.6) ama merkatu-ra joan da amona-rekin мать рынок-LAT уходить AUX.3SG бабушка-COM <i>Мать пошла с бабушкой на рынок.</i>	А
(2.7) *[ama amona-rekin] merkatu-ra joan dira мать бабушка-COM рынок-LAT уходить AUX.3PL <i>Мать с бабушкой пошли на рынок.</i>	*Б
(2.8) *[gu _{i+j} amona-rekin _j] merkatu-ra joan gara мы бабушка-COM рынок-LAT уходить AUX.1PL <i>Мы с бабушкой пошли на рынок.</i>	*В

(2.9) [bizar {⁺zuri-ko | *zuri-(a-r)ekin} gizon ingeles bat] *Г
 борода белый-ATR белый-(DET-)COM мужчина английский DET
 ze-go-en lama-ri begira
 PST.3SG-находиться-PST лама-DAT глядя

На ламу смотрел (какой-то) англичанин с седой бородой.

(2.10) aita terraza-n eseri-ta dago egunkaria-rekin Д
 отец терраса-LOC садиться-PART находиться.3SG газета-COM

Отец сидит с газетой на террасе.

Разумеется, в этих примерах представлены далеко не все типы употреблений комитативных маркеров (см. ч. II). Тем не менее, рассматривая приведенные примеры как небольшую иллюстрацию, можно обнаружить в них некоторые закономерности. Первый тип употреблений (А) встречается у всех приведенных показателей. Вот некоторые его отличительные свойства (на материале данных примеров):

- ИГ, маркированная комитативом (= комитативная группа), обозначает некоторого участника ситуации, обозначенной предикатом;
- этот участник (= Спутник) имеет в ситуации ту же роль (участвует в ней тем же образом), что и некоторый другой участник (назовем его Ориентиром). Напр. во фразе (2.1) Ориентир — *мать*;
- участник-Спутник в ситуации необязателен: если комитативную группу опустить, ситуация останется прежней, в частности, не потребует изменения называющего ее предиката (*Мать пошла на рынок*);
- пропозициональное содержание предложения не меняется при перестановке ИГ, выражающей Ориентир (= центральной ИГ) и комитативной группы (*Бабушка пошла с матерью на рынок*) или, с точностью до референции, при замене их обеих на местоимение с покрывающей референцией (*Они пошли на рынок*).
- комитативная группа может быть расположена разрывно с центральной ИГ;
- в случае, если центральная ИГ находится в позиции, контролирующей глагольное согласование, глагол согласуется с ней одной (не «по сумме» центральной ИГ и комитативной группы).

Именно употребления типа А я считаю комитативом в узком смысле, или собственно комитативом. Хотя существующие определения комитатива не отражают полностью специфику этого типа, приводимые их авторами примеры обычно иллюстрируют именно его (см. § 2.2). Определяющей особенностью собственно комитатива является то, что одна семантическая роль выражается в нем двумя отдельными именованными группами с различным синтаксическим рангом. В дальнейшем мы будем называть комитативными маркерами (показателями) те и только те маркеры, которые могут употребляться в контекстах типа А, т. е. в собственно комитативной функции.

В конечном счете, каждый из упомянутых типов употреблений бесспорно заслуживает отдельного изучения. Важно, что (i) в разных языках комитативные маркеры, помимо типа А, имеют различный спектр типов употреблений; (ii) большинство типов обнаруживаются в генетически не связанных языках различных ареалов, что доказывает неслучайность их связи с комитативом в узком смысле. Комитативом в широком смысле мы будем называть совокупность всех типов употреблений, которые встречаются у комитативных маркеров, включая собственно комитативные употребления.

2.1.2. КОМИТАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

При описании комитативных показателей некоторые авторы ограничиваются примерами именных групп, несущих показатель комитатива. Например, в грамматике языка инга [Levinsohn 1976] примеры на показатель *-hua*, обозначающий «сопровождение» (accompaniment), сводятся к нескольким отдельным словоформам, напр. *mamita-hua* ‘с мамочкой’,

Santiago-manda-hua [Сантьяго-ABL-COM] ‘с тем, (который) из Сантьяго’. К сожалению, такие описания не дают информации, чтобы судить о функциях интересующих нас показателей.

Т. Штольц [Stolz 1996a и др.] усматривает в предложениях с комитативом две предикации: первая соответствует главному предикату, вторая — комитативному маркеру (т. е. *Мать пошла с бабушкой на рынок* => ‘мать пошла на рынок’ & ‘мать с бабушкой’). Однако в числе «элементарных компонентов комитативной ситуации» он называет только Сопровождаемого, Релятор (т. е. комитативный маркер) и Спутник, т. е. главная предикация из рассмотрения исключается.

Между тем оказывается, что для полноценного анализа функционирования комитативных показателей совершенно необходимо учитывать более широкий контекст, включая и главный предикат. Это обусловлено, с одной стороны, необходимостью различения «припредикатных» и «приименных» употреблений комитативных показателей (ср. выше типы употребления А, Д vs. Б, В, Г). С другой стороны, существует немало языков, в которых маркер комитатива присоединяется не к именной группе, а к вершинному предикату — в таком случае говорят о вершинном маркировании комитатива (см. § 3.2). Наконец, что не менее важно, свойства показателя комитатива существенным образом коррелируют с его сочетаемостью — с типами участников (Ориентира и Спутника), а также с типом вершинного предиката.

Ввиду сказанного предлагается в качестве основного объекта исследования принять комитативную конструкцию (в узком смысле), образуемую следующими элементами: (i) предикатом П, (ii)–(iii) двумя именными группами, которые синтаксически подчиняются предикату П, и (iv) показателем комитатива. В случае, если тот же самый показатель имеет употребления, отличные от собственно комитативных, мы будем говорить о формально комитативных конструкциях. Они могут отличаться от собственно комитативных составом элементов и/или связями между ними.

2.2. СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОМИТАТИВА

2.2.1. КОМИТАТИВ, ПАДЕЖИ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ

В европейских языках, на материале которых основывалась лингвистическая традиция, ярлык ‘комитатив’ связан с определенными падежами и/или предлогами/послелогоми. Вполне закономерно поэтому, что комитатив традиционно рассматривается как один из видов падежных отношений, один из возможных элементов грамматической категории падежа. Напомним, что «падежные граммы [...] оформляют управляемое существительное и являются показателями его синтаксически зависимого статуса», однако «помимо самого факта синтаксической зависимости имени разные падежные граммы различают *типы* этой зависимости» [Плунгян 2000: 163–164].

Среди падежей выделяют синтаксические и семантические [Мельчук 1998: 325]. Синтаксические падежи (к ним обычно относятся номинатив, аккузатив, эргатив, аффектив) «выражают только синтаксические роли существительного» [там же: 325]. Они призваны различать ядерные синтаксические актаны предиката, т. е. в первую очередь актаны в ролях Агенса и Пациенса, Экспериенцера и Стимула. Распределение средств выражения между этими ролями более всего подвержено влиянию синтаксиса, и разные языки здесь используют различные стратегии (см., например, [Кибрик 1992: 198–218; Кибрик 1997/2003; Кибрик 2003: 109–132]). Семантические падежи ориентированы на различение семантических отношений между именем и предикатом, выражая не только синтаксическую роль существительного, но и семантическую.

Место комитатива среди падежей

Комитатив относят к семантическим падежам, причем обычно к периферийным [Плунгян 2000: 170]. Таким образом, считается, что комитатив выражает определенную «комитативную» семантическую роль. (Напр.: комитатив «выража[ет] роль второстепенного агенса, со-

провожающего действия главного [...] и/или объекта, который имеет при себе главный участник ситуации» [там же: 170]).

Если принять предпосылку, что комитатив является обычным семантическим падежом, представляющим определенную семантическую роль (в одном ряду с ролями Адресата, Темы, Экспериенцера, Места и т. д.), то возникает необходимость описать характерный для комитатива способ участия некоторого партиципанта в некоторой ситуации. На этом пути авторам определений приходится прибегать к трем основным понятиям; это понятия совместности, сопровождения и второстепенности. В частности, весьма распространенное определение комитатива из глоссария лингвистических терминов SIL (далее ОпрSIL) звучит следующим образом: «*Comitative case is a case expressing accompaniment*»² («Комитативный падеж — это падеж, выражающий сопровождение»). В. В. Виноградов при анализе грамматических отношений, выражаемых русскими предлогами, толкует «комитативные отношения» как «обозначающие сопровождение, совместность, соучастие» [Виноградов 1947: 686].

2.2.2. ТРИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Приведу еще три определения комитатива. Два из них взяты из лингвистических энциклопедий, отечественной и зарубежной (ОпрЛЭС принадлежит Т. В. Булыгиной и С. А. Крылову³, ОпрELL — Дж. Андерсону), третье (ОпрКОМ) взято из «Курса общей морфологии» И. А. Мельчука.

ОпрЛЭС: [ЛЭС 1990: 356], статья «Падеж»

«Роль сопровождающего, т. е. лица, выполняющего какое-л. действие совместно с агенсом, выражается комитативом, или социативом (напр., в финском, баскском и др.; ср. фин. *Naapurimme tuli vaimo-inensa ja laps-inensa* ‘*Наш сосед пришел с женой и детьми /или: с женой и ребенком*’); в ряде языков функцию комитатива берет на себя инструменталис (ср. ведийское *devó devébhír á gamat* ‘*Пусть бог придет с богами*’)».

ОпрELL: [Anderson 1994: 453], статья «Case»

«‘Комитатив’ обычно обозначает одушевленного [участника] (в типичном случае человека), который представляется сопровождающим участие в предикации некоторого более непосредственно вовлеченного участника.»⁴

ОпрКОМ: [Мельчук 1998: 336, 338]

«‘комитатив’: ‘совместно с’».

Сравнительный анализ

ОпрКОМ представляется наиболее элегантным, но тем не менее неверным определением. Фактически функция комитатива сводится к выражению единственного семантического компонента — совместности. О необходимости разграничения комитатива и совместности будет сказано ниже (раздел 2.3).

В ОпрЛЭС («*роль лица, выполняющего какое-л. действие совместно с агенсом*») перечислено больше всего содержательных компонентов: (i) совместность; (ii) личность участника, выраженного комитативом (= Спутника); (iii) его агентивность; (iv) агентивность другого участника, с которым он соотносится (= Ориентира). Однако, как выясняется, из этих признаков ни один не является необходимым для идентификации категории комитатива.

ОпрELL является наиболее расплывчатым из трех определений. В нем характеристика личности (одушевленности) участника относится — с оговоркой — только к типичным употреблениям комитатива; отсутствуют требования агентивности как для Спутника, так и для Ориентира. Что более важно, между Ориентиром и Спутником вводится оппозиция по степени вовлеченности в ситуацию. С другой стороны, содержательные характеристики ко-

² {<http://www.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/Index.htm>}.

³ Автор благодарит С. А. Крылова за обсуждение предыдущей версии моего анализа ОпрЛЭС [Архипов 2002].

⁴ “The ‘comitative’ usually marks the animate (typically human) which is conceived of as accompanying the participation of some more centrally involved participant in a predication.”

митативного участника в ОпрЕЛЛ сводятся к понятию сопровождения, которое само по себе нуждается в разъяснении.

Агентивность

ОпрЛЭС одним из ключевых признаков комитатива называет агентивность комитативного участника и наличие в предикации другого, соотнесенного с ним участника в роли Агенса⁵. Это требование, очевидно, выполняется в примерах с глаголами движения из самого ОпрЛЭС, но ведь комитатив может употребляться и со стативными предикатами, ср.:

якутский < ТЮРКСКИЕ < АЛТАЙСКИЕ

[Харитонов 1982: 132]

(2.11) min oʷon'n'or-duun d'ieye хаalabin
я старик-СОМ дома остаюсь СТАТИВ

Я остаюсь дома вместе со стариком.

баскский (изолят, Европа)

[собс.]

(2.12) Aita terrazan eserita dago ama-rekin
отец на.террасе сидящий находится.3SG мать-СОМ СТАТИВ

Отец сидит с матерью на террасе.

Но у стативных предикатов типа ‘оставаться’, ‘сидеть’ нет участников с ролью Агенса: роль *старика* в (2.11) и *матери* в (2.12) обычно описывают как роль Темы (Theme). Между тем, комитатив употребляется и для обозначения участников с другими ролями; в следующих примерах из фула иллюстрируются роли Агенса, Экспериенцера и Пациенса:

фула < АТЛАНТИЧЕСКИЕ < НИГЕР-КОНГО

[Коваль, Нялибули 1997: 165, 163, 166]

(2.13) O yaltidi e yimbe amiiri
он выходить:СОМ СОМ люди эмира АГЕНС

Он вышел вместе с людьми эмира.

(2.14) O yiidi dum e Umar
он увидеть:СОМ это СОМ Умар ЭКСПЕРИЕНЦЕР

Он увидел это (одновременно) с Умаром.

(2.15) Saaya kaa tunnidii e tuuba kaa
рубаха испачкаться:СОМ СОМ штаны ПАЦИЕНС

Рубаха стала грязной вместе (одновременно) со штанами.

Следовательно, наличие агентивных характеристик не является обязательным для употребления комитатива и не может служить основой для определения. Однако следует обратить внимание на другой важный аспект: во всех приведенных примерах ((2.11)–(2.15)) комитативный участник всегда имеет **одинаковую роль** с одним из центральных участников.

Личность (одушевленность)

В ОпрЛЭС как необходимый признак комитатива упоминается **личность** соответствующего участника («лицо, выполняющее к.-л. действие...»). Более корректным было бы отнести этот признак к **типичным** (но не обязательным), как это делает Дж. Андерсон в ОпрЕЛЛ, поскольку он соблюдается в большинстве случаев, но нередко все же нарушается. Достаточно обратиться к примерам типа (2.15), где комитативом оформляется неодушевленный участник — обычно соотносимый с участником в роли Пациенса или Темы.

⁵ Очевидно, что участник, «выполняющий действие совместно с **агеном**» сам обладает агентивными свойствами.

2.3. КОМИТАТИВ И СОВМЕСТИНОСТЬ

2.3.1. ПРИРОДА СОВМЕСТИНОСТИ

Понятие совместности весьма трудно поддается формализации. Одной из плодотворных попыток разъяснения природы совместности является работа [Зализняк, Шмелев 1999] (авторы говорят о совместном действии). Совместность понимается как определенная характеристика ситуации, причем у этой ситуации должно быть больше одного участника **с одной и той же ролью**. Будем в таком случае говорить, что ту или иную роль занимает множественный участник [МНУ] (состоящий из двух или более единичных, элементарных участников [ЭУ]). Например, в предложениях *Дети (Фаня и Саша / Фаня с Сашей) бегали по всему дому* роль агенса при глаголе *бегать* выполняет множественный участник, состоящий в последних двух вариантах из двух элементарных участников — *Фани* и *Саши*.

Множественность не является достаточным условием совместности. Ситуация с множественным участником считается совместной, только если она **воспринимается** относительно множественного участника **как единое целое**. «Совместное действие отличается от одинаковых действий двух (или более) людей — даже производимых одновременно и в одном месте — тем, что действия, производимые этими людьми, концептуализуются как части одного общего дела» [Зализняк, Шмелев 1999: 450]. Примером совместных ситуаций может быть постройка дома: хотя действия участников различны, каждый из них *строит дом*, и в то же время все они вместе тоже *строят дом*.

Противоположной альтернативой для совместных ситуаций являются ситуации дистрибутивные (раздельные), которые воспринимаются как множество раздельных однотипных ситуаций (напр. *Со злости Лена **перебила** всю посуду в доме*). Кроме того, предикат может быть немаркированным по признаку совместности/раздельности, допуская обе интерпретации.

2.3.2. ФАКТОРЫ СОВМЕСТИНОСТИ

Очевидно, что совместность, будучи зависимой от **восприятия** ситуации, является в большой степени **субъективной** характеристикой, поскольку зависит от восприятия конкретного говорящего; она не приписывается предикату в словаре, а «вычисляется» в каждом случае отдельно. К тому же эта характеристика градуальна (есть «более совместные» и «менее совместные» ситуации) и многофакторна⁹.

Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев выделяют три формальных фактора, практически следуя законам классической драматургии: тождество действия, единство места и единство времени. Однако, в отличие от классических пьес, для понятия совместности эти три единства являются лишь факторами, но никак не законами: ни одно из них не является необходимым. «Наименее обязательным является требование тождества действия. Более того, по-видимому, кроме случаев участия в спортивных или военных парадах, едва ли найдутся такие совместные действия, которые складываются из идентичных, синхронных и совершаемых в одном месте действий» [Зализняк, Шмелев 1999: 451]. С. Кеммер приводит пример *Mary and her*

⁹ «Интерпретация действия как совместного — это результат концептуализации, которая определяется довольно тонкими обстоятельствами, варьирует от одного употребления к другому и, кроме того, допускает градуацию» [Зализняк, Шмелев 1999: 454].

mother made a dress together ‘Мэри с матерью вместе сшили платье’, который вполне может означать, что Мэри снимала мерку и делала выкройку, а мать шила на швейной машине.

Условия единства места и времени являются более устойчивыми, но и они могут нарушаться. Так, два человека могут написать совместную статью, находясь в разных городах и даже странах и занимаясь этим в разное время. Еще один фактор, выделяемый С. Кеммер [Kemmer 1993], — сотрудничество (*cooperation*), — также необязателен, поскольку совместность может в принципе относиться к пациентивным участникам: *Вместе с ванной пришлось отремонтировать коридор*.

Наиболее важным и наименее формализуемым свойством совместных ситуаций представляется то, что, по крайней мере для людей, всякая совместная деятельность, всякие совместные переживания могут приводить к возникновению определенной близости (shared experience в терминах А. Вежбицкой).

2.3.3. СОВМЕЩЕННОСТЬ VS. КОМИТАТИВ

Какими бы тонкими факторами ни определялось понятие совместности, во многих языках мира оно получает грамматическое выражение. Язык имбабура кечуа [Cole 1985] интересен тем, что в нем граммы совместности и комитатива выражаются совмещенно. В имбабура кечуа имеются два комитативных показателя: один из них (*-wan*) используется, если совместность/раздельность ситуации для говорящего неважна, а другой (*-ndi*) подчеркивает, что ситуация является совместной¹⁰.

имбабура кечуа < КЕЧУА < АНДСКИЕ

[Cole 1985: (316–317), 80]

(2.16) *ñuka-ka wambra-wan puri-ni* КОМИТАТИВ
 я-ТОР ребенок-СОМ1 идти-1SG НЕЙТРАЛЬНЫЙ
Я иду с ребенком. {Мы случайно оказались вместе на одной дороге.}

(2.17) *ñuka-ka wambra-ndi puri-ni* КОМИТАТИВ
 я-ТОР ребенок-СОМ2 идти-1SG СОВМЕЩЕННЫЙ
Я иду (вместе) с ребенком. {Мы вместе идем в одном направлении, с общей целью.}

Категория совместности в том же языке может маркироваться и в глаголе с помощью показателя *-naju-*:

имбабура кечуа < КЕЧУА < АНДСКИЕ

[Cole 1985: (734ab), 186]

(2.18) *shamu-rka-nchi* ±СОВМЕЩЕННОСТЬ
 приходит-РСТ-1PL
Мы пришли {возможно, по отдельности}.

(2.19) *shamu-naju-rka-nchi* +СОВМЕЩЕННОСТЬ
 приходит-СОС-РСТ-1PL
Мы пришли вместе.

Таким образом, мы видим, что категории комитатива и совместности принципиально независимы друг от друга: совместность может быть выражена без привлечения комитатива, а комитатив — без привлечения совместности. Из этого непосредственно следует необоснованность ОпрКОМ и отчасти ОпрЛЭС.

2.3.4. СОПРОВОЖДЕНИЕ

Поскольку слово сопровождение не имеет в лингвистике строгого терминологического значения, приходится обратиться к значению общезыковому. То же можно констатировать в отношении англ. accompaniment. ‘Сопровождать’ в русском языке толкуется в первую оче-

¹⁰ *-wan*: ‘together with but not forming a single entity’ (‘вместе, но не образуя единый объект с’), *-ndi*: ‘together with and forming a single entity’ (‘вместе и образуя единый объект с’) [Cole 1985: 80].

редь как ‘идти вместе’, англ. ‘accompany’ — как ‘go with’ (‘идти [вместе] с (кем-л.)’)¹¹. Исторически слово *accompany* происходит от нар. лат. *companio, -onis* ‘тот, кто ест хлеб вместе с (кем-л.)’¹². Если первое из указанных значений предполагает (совместное) движение, то второе — совместное участие в агентивно-пациентивной ситуации. В тексте же ОпрЕЛЛ «*accompanying the participation of ...*» [«сопровождающий участие ... (кого)»] речь не идет, по всей видимости, ни об этимологическом, ни о современном значении в отдельности. Здесь обобщенно имеется в виду совместное участие в ситуации любого типа.

Остается, однако, не до конца ясной семантическая роль Спутника: если это типичное совместное участие, роли участников должны быть одинаковы. Между тем у слов *сопровождать/accompany* есть еще один важный элемент значения, несводимый к совместности. Это значение **дополнительности, второстепенности** сопровождающего по отношению к сопровождаемому. В ОпрЕЛЛ значение второстепенности присутствует и специально акцентируется: «*accompanying the participation of some more centrally involved participant in a predication*» [«сопровождающий участие в предикации **некоторого более непосредственно вовлеченного участника**»].

2.4. ВТОРОСТЕПЕННОСТЬ КАК ПРИЗНАК КОМИТАТИВА

2.4.1. РОЛЕВАЯ ВТОРОСТЕПЕННОСТЬ

Второстепенность участника в принципе может затрагивать разные аспекты плана содержания. Можно выделить по меньшей мере **второстепенность в ролевом аспекте** и **второстепенность в коммуникативном аспекте**.

Семантические роли как неоднородные категории

Если первоначально семантические роли представлялись исследователям скорее как некий набор атомарных категорий, то впоследствии возникли идеи о большей сложности этих объектов. В частности, выдвигались тезисы о **континуальности** противопоставлений между различными ролями (см., напр., [Schlesinger 1979]); о том, что ролевые категории могут допускать переменные степени «членства» в этих категориях (т. е. бывают, например, **более типичные** Агенты и **менее типичные** Агенты); и о том, что семантические роли могут быть **кластерными категориями** (т. е. задаваться набором признаков, ни один из которых по отдельности не является необходимым и достаточным для определения принадлежности к данной категории¹³); см., например, [Schlesinger 1989] о соотношении категорий Инструмента и Агента.

К. Леман [Lehmann 1991; unpublished] использует два взаимосвязанные параметра, формирующие пространство семантических ролей (participant relations): **вовлеченность** и **контроль**. **Вовлеченность** характеризует отношение участника к ситуации: степень его вовлеченности максимальна, если ситуацию нельзя представить без его участия. Центральные участники, такие как Агенты и Пациенты, являются наиболее вовлеченными, периферийные, в числе которых К. Леман называет Инструмент, Комитатив и Бенефицианта, — наименее вовлеченными. **Контроль** и обратный ему параметр — **affectedness** ‘подверженность воздействию’ — проявляется в основном в контрасте между двумя участниками с разной степенью контроля. В ситуациях, где имеется два или более участников, один из них (**Актер**) обычно в большей степени контролирует ситуацию, а другой (**Претерпевающий**) скорее испытывает на себе контроль (воздействие) со стороны ситуации. Кроме этого, есть постоянные свойства, присущие участникам независимо от их участия в той или иной ситуации, напр. одушевленность.

¹¹ А. С. Хорнби. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: Специальное издание для СССР, т. 1. М., Оксфорд, 1982.

¹² А. Dauzat et al. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris, 1981, p. 182–183.

¹³ Ср. известную статью [Кинэн 1976/1982] о многопризнаковом подходе к определению подлежащего.

Параметр контроля позволяет различать в первую очередь центральных участников. Чем выше степень вовлеченности участника, тем большее значение для него имеет контроль; наиболее периферийные участники не контролируют ситуацию и не контролируются ею.

Второстепенность как пониженная вовлеченность

«Ролевою» второстепенность можно описывать как пониженную **вовлеченность** в ситуацию (ср. ОпрELL). В частности, К. Леман относит роли Комитатива и Инструмента к периферийным, т. е. наименее вовлеченным участникам (см. выше). Такая трактовка, однако, наталкивается на некоторые препятствия.

Вспомним, что участник считается вовлеченным, если без него ситуацию нельзя представить. В отношении Комитатива это требование, действительно, соблюдается: Спутник в ситуации факультативен (напр., *бабушка* в ситуации *Мать пошла с бабушкой на рынок*). Однако для Инструмента оно верно не всегда: существуют такие действия, которые нельзя **представить** без Инструмента (напр., *резать*, *строгать*); хотя **упоминание** Инструмента при соответствующих глаголах факультативно.

С другой стороны, для периферийных участников должно нейтрализовываться различие по контролю над ситуацией [Lehmann, unpublished: 5]. Между тем, в работе [Lehmann, Shin, unpublished: 16–17] утверждается, что Комитатив и Инструмент различаются по этому параметру: «Комитативы могут функционировать как ко-агенты, инструменты не могут. Соответственно, комитативы могут разделять с агентом признак [+ НАМЕРЕНИЕ], в то время как инструменты всегда отмечены признаком [– НАМЕРЕНИЕ]. В этом выражается то, что комитативы имеют больше контроля, чем инструменты».

Характерно, что свойства Комитатива при этом существенным образом определяются свойствами центрального участника, с которым он ассоциируется (= Ориентира): «в комитативных ситуациях спутник частично разделяет контроль с актором; или, в случае, если это спутник претерпевающего, он разделяет с ним подверженность воздействию (affectedness)» [там же: 12].

Приходим к противоречию: с одной стороны, комитативный участник находится на периферии, он несуществен для ситуации (возможно, менее существен, чем Инструмент); с другой стороны, признак контроля для него релевантен в значительно большей степени, чем для Инструмента. Выход, который представляется мне наиболее оправданным, — не рассматривать комитатив как обычную семантическую роль и не отводить ему фиксированного места в пространстве ролевых отношений, но определять способ участия Спутника в конкретной ситуации по способу участия Ориентира.

Собственно комитатив vs. копредикативный комитатив

К. Леман включает в число «комитативных ситуаций» те, в которых Спутник имеет более низкий класс эмпатии, чем Ориентир, и, вообще говоря, не может выполнять ту же роль, что и Ориентир; ср. также функцию конфектива у Т. Штольца [Stolz 1996a].

немецкий < ГЕРМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[Lehmann, Shin, unpublished: (E8), 12]

(2.20) Sie kam mit einer Tasse Kaffee zurück.

Она вернулась с чашкой кофе.

В отличие от собственно комитативных конструкций, в копредикативных конструкциях предмет, маркированный комитативом, характеризует не ситуацию, а одного из центральных участников (Ориентир). Сравним следующие предложения (ср. [Даниэль 2000: 175]):

(2.21) *Петя гуляет с Наташей.*

(2.22) *Петя гуляет с двустволкой.*

(2.23) *За деревом Петя увидел [парня с двустволкой]_{из}.*

Если в (2.21) мы имеем собственно комитативную конструкцию (роли участников одинаковы), в (2.22) у ситуации *гулять* только один участник — *Петя*. Периферийная ИГ с *двустволкой* в данном случае синтаксически выполняет функцию сирконстанта, как и в первом примере, но семантически является предикатом по отношению к ИГ *Петя*; ср. употребление той же периферийной ИГ в синтаксической позиции определения (2.23).

Функцию периферийной ИГ (*mit einer Tasse Kaffee, с двустволкой*) в подобных конструкциях будем называть функцией копредиката, а саму конструкцию копредикативной. Центральную ИГ (*Sie, Петя*) будем называть контролером копредиката.

В русскоязычной традиции термин копредикат восходит к названию копредикативного поверхностно-синтаксического отношения (ПСО)¹⁵ в модели «Смысл ⇔ Текст» [Мельчук 1974]. Дж. Никольс [Никольс 1985] использует термин «предикативное имя» (predicate nominal). Типичным образцом копредикатов в русском языке служат прилагательные типа *больной, пьяный* в предложениях вида (2.24)–(2.25):

(2.24) *Он был веселый / веселым.* [Никольс 1985: 344]

(2.25) *Друзья привели его домой пьяного / пьяным.*

Наиболее распространенным в англоязычной литературе является термин depictive secondary predicate (букв. описательный вторичный предикат), или просто depictive.

Существуют разные подходы к анализу подобных примеров. Проблема заключается в **двойной зависимости** (потенциально — двойной синтаксической зависимости) прилагательного (*пьяный* в (2.24)) или комитативной группы (*с двустволкой* в (2.22)). С одной стороны, *пьяный* не входит в ИГ-контролер *его*, а является зависимым вершинного предиката *привели*. С другой стороны, оно согласуется с контролером в роде и числе (и иногда в падеже). Очевидно, что между прилагательным и его контролером существует по крайней мере семантическая зависимость. И. А. Мельчук [1974; Mel'čuk 1988; Mel'čuk, in preparation] предлагает различать при анализе копредикатов **семантическую, синтаксическую и морфологическую** зависимость: копредикат связан с контролером морфологически и семантически, но не синтаксически.

Э. Шульце-Берндт и К. Химмельман отмечают в генетически не связанных между собой языках, таких как *немецкий* и *эве* (< кВА < НИГЕР-КОНГО), употребления показателей комитатива для маркирования копредиката. Как предполагают авторы [Schultze-Berndt, Himmelmann 2004: 49], такое расширение функций комитативных показателей возможно благодаря изначально присущей комитативу ориентации на участника, в том числе в собственно комитативных конструкциях.

2.4.2. КОММУНИКАТИВНАЯ ВТОРОСТЕПЕННОСТЬ

Последний из семантических признаков, претендующий на роль определяющего в комитативной конструкции, предварительно можно назвать **коммуникативной второстепенностью**: комитативная группа и центральная ИГ имеют различный ранг (статус) в одной из категорий коммуникативного компонента плана содержания. Наиболее вероятными претендентами на выражение в КК являются основные категории актуального членения, тема и рема.

Противопоставление темы и ремы является, по всей видимости, градуальным: как тема, так и рема могут иметь вторичное внутреннее коммуникативное членение (см., в частности, [Белашапкина 1977: 147]; примеры (i)–(ii) приводятся по [Тестелец 2001: 441]).

(i) [*Тонкие стволы берез* ТЕМА] [[*белели* ТЕМА] [*редко и отчетливо* РЕМА] РЕМА].

(ii) [*Атаковать с ходу* ТЕМА] [[*противник* ТЕМА] [*не решился* РЕМА] РЕМА].

¹⁵ Точнее, двух ПСО: субъектно-копредикативного и объектно-копредикативного.

В комитативных конструкциях весьма часто центральная и периферийная ИГ оказываются в разных «лагерях»: центральная ИГ выступает как тема, а комитативная группа — как часть ремы:

(2.26) *Ее всегда узнавали, когда [[она ТЕМА] [появлялась на улице с Виктором Петровичем РЕМА]].*

Такие примеры можно рассматривать как проявление дискурсивной стратегии, широко распространенной в языках мира: «Устанавливается тема [текста] (topic), затем референция к ней осуществляется с помощью местоимений. Если в некоторой ситуации совместно [с темой] принимает участие некоторая дополнительная сущность, она вводится с помощью комитативной конструкции. Исходная тема остается той же самой» [Mithun 1988: 338].

В данном случае можно рассматривать Спутника, выраженного комитативной группой, как **второстепенного** участника по отношению к Ориентире — главной теме. (Соответствующий параметр — близость к статусу главной темы — предлагается назвать **тематичностью**). Если бы такое соотношение коммуникативных свойств участников наблюдалось во всех комитативных конструкциях, можно было бы утверждать, что комитатив выражает **коммуникативную второстепенность** (низкую тематичность) Спутника. Встречается, однако, и обратное соотношение: КГ может быть ближе к главной теме, чем ЦИГ:

(2.27) *[С Николаем Андреевичем ТЕМА] [[Василий ТЕМА] [не так давно работал над проектом одного музея РЕМА] РЕМА].*

В предложении (2.27) после первого деления на тему (*С Николаем Андреевичем*) и ремю (остальная часть предложения), сама рема далее разделяется на два контрастирующих компонента. Таким образом, КГ оказывается первичной темой, а центральная ИГ *Василий* — вторичной темой. ЦИГ может входить и в собственно тематический компонент:

(2.28) *[В качестве судьбы или летописца ТЕМА] [[со мной ТЕМА] [отправился здоровенный парень, на редкость ленивый, добродушный и наивный РЕМА] РЕМА].* (Ф. Искандер)

(2.29) *[С хлебом ТЕМА] [[мать принесла ТЕМА] [и крынку молока РЕМА] РЕМА].*

Таким образом, направленность различия в тематичности между комитативной группой и ЦИГ не является фиксированной. Хотя в предпочтительном, немаркированном случае центральная ИГ ближе к теме, чем комитативная группа, при помощи специальных средств (топикализации) достижимо и обратное соотношение. Наконец, комитативная группа и ЦИГ могут принадлежать к одному и тому же компоненту коммуникативной структуры, как в следующем английском примере:

английский < ГЕРМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[Lehmann, Shin, unpublished: (E10), 12]

(2.30) Ken brought his daughter with her boyfriend.

Ken привел / привез свою дочь (вместе) с ее парнем.

Можно констатировать, что принципиальным для комитативной конструкции является не то или иное фиксированное соотношение тематичности ее элементов, а их относительная свобода в коммуникативной структуре. Действительно, именно этим отличаются КК от своих ближайших конкурентов в выражении множественного участника — сочинительных конструкций. Если элементы типичной сочинительной конструкции обязаны иметь одинаковый структурный ранг и тематичность и не могут по отдельности участвовать в различных синтаксических процессах (релятивизация, топикализация, фокусирование и т. п.), то элементы комитативной конструкции этими ограничениями не связаны. Как следствие, комитативные конструкции широко используются в различных стратегиях организации дискурса для эффективной темо-тематической артикуляции, поддержания референции и проч.

Таким образом, **определяющим свойством** комитативной конструкции является **возможность различия** центральной ИГ и КГ по тематичности. **Прототипической** является бо́льшая тематичность центральной ИГ по сравнению с КГ (как в (2.26)). Это свойство, одна-

ко, не соблюдается в таких примерах, как (2.27)–(2.30). Что касается комитативных конструкций, где обе ИГ имеют одинаковую тематичность, как в англ. (2.30), то они, по-видимому, являются первым шагом к развитию сочинительного комитатива (типа рус. *Петя с Машей вернулись домой поздно*).

2.5. РАБОЧЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОМИТАТИВА

2.5.1. КОМИТАТИВ КАК СРЕДСТВО ПЛЮРАЛИЗАЦИИ УЧАСТНИКА

Промежуточный итог наших наблюдений состоит в том, что комитатив не следует определять через понятия совместности, сопровождения или второстепенности (ролевой или коммуникативной). Общим недостатком существующих определений комитатива является апелляция к некоторой роли, которую якобы «выражает» комитатив:

Аффикс комитатива в урумском языке «[в]ыражает роль второстепенного агенса, сопровождающего действия главного [...], или любого участника ситуации, участвующего в действии **в той же семантической роли, что и другой, присутствующий в высказывании**» [Смолина 2004: 97; выделение мое — А. А.]¹⁶.

Представляется, однако, очевидным, в том числе из внутренней противоречивости приведенного выше определения, что комитатив не соответствует **никакой фиксированной семантической роли**. Участник, вводимый с помощью комитативной конструкции, имеет ту же роль, что и участник-Ориентир, выражаемый центральной именной группой. Таким образом, комитативная конструкция есть специальное морфосинтаксическое средство, позволяющее «размножить» один из актантав предиката (ср. термин «омножествление» [Коваль, Нялибули 1997]).

2.5.2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОМИТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Множественный участник

Пусть имеется ситуация S и два ее участника, P1 и P2, семантические роли которых в S одинаковы.

Тогда P1 и P2 будем называть элементарными участниками (= ЭУ), образующими в совокупности множественного участника PL.

Структурный ранг

Под структурным рангом понимается обобщенная морфосинтаксическая характеристика именной группы. В языках, для которых релевантно понятие синтаксических отношений¹⁷, она соответствует прежде всего позиции на реляционной иерархии *Sub > DO > IO > Obl* (см., напр., [Джонсон 1977/1982: 43 и сл.]). Согласно этой иерархии, наивысший ранг имеет подлежащее (Sub), более низкие ранги — прямое дополнение (DO), не прямое (дативное) дополнение (IO) и все прочие (косвенные) дополнения и обстоятельства (Obl).

Существуют языки, выделение в которых синтаксических отношений представляется затруднительным: в них синтаксические конструкции не различают таких категорий, как подлежащее, прямое и не прямое дополнение (арчинский [Кибрик 2000/2003], ачехский [Dugie 1987], риау индонезийский [Gil 1994; 1999]). В этих языках, однако, сохраняется оппозиция ядерных и периферийных актантав, с которой мы и будем соотносить понятие структурного ранга. Эта оппозиция тесно связана с понятием переходности (см. [Кибрик 2000/2003], [Norreg, Thompson 1980]). Переходные глаголы (рус. *бить, видеть, давать*) имеют два ядерных актанта, непереходные — один ядерный актанта (рус. *бежать, смотреть*) или ни одного (рус. *больно, холодно*). (В некоторых языках, например, в баскском, дативный аргумент трехместных глаголов типа *давать*, по-видимому, также должен быть причислен к ядерным).

¹⁶ Первая часть фразы цитирует определение В. А. Плунгяна [2000: 170].

¹⁷ «Синтаксические отношения понимаются [...] как средство соотнесения именных аргументов предиката с различными синтаксическими позициями, иерархически упорядоченными в соответствии со степенью их синтаксической активности или важности» [Кибрик 1997/2003: 134].

Комитативная конструкция

Комитативной конструкцией (= КК) в языке L будем называть морфосинтаксическую конструкцию, используемую в данном языке для выражения множественного участника PL ситуации S, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников P1 и P2, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг.

Под выражениями, обозначающими участников P1 и P2, понимаются в первую очередь именные группы, а также согласовательные показатели в глаголе.

Комитативную конструкцию в общем случае образуют четыре компонента. Три из них представляют собой *выражения*: предикат, обозначающий ситуацию S, и два выражения, обозначающие участников P1 и P2 (обычно — две именные группы, центральная и периферийная). Четвертый компонент КК — морфосинтаксическое средство (показатель), которое мы будем называть комитативным показателем.

Формально комитативные конструкции

Конструкции, удовлетворяющие приведенному определению, будут центральным предметом дальнейшего рассмотрения; это собственно комитативные конструкции, или КК в узком смысле. Кроме того, для данного языка L нас будут интересовать все конструкции, в которых используется то же формальное средство, что и в собственно комитативных конструкциях, — формально комитативные конструкции.

2.5.3. ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ КОМИТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Существенным, но практически неизученным параметром межъязыкового варьирования является сочетаемость комитативных конструкций. Собственно КК в разных языках используются с некоторыми типами предикатов и не используются с другими. Так, русская КК с предлогом *с* не сочетается с ментальными предикатами, например *думать, знать*: *Петя раньше думал(,) { *с Игорем / +как и Игорь }, что P*. Напротив, французская КК с предлогом *avec* 'с' сочетается с глаголом *penser* 'думать', ср.:

французский < РОМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[Интернет]

(2.31) Thornton pense **avec Frommel** que sala vient de aula (lat.: hall) plutôt que de salta (lat. : danse).

Торнтон, как и Фроммель, думает, что [слово] sala происходит скорее от aula (лат. 'зал'), чем от salta (лат. 'танец').

В связи с этим встает вопрос об основаниях для межъязыкового сравнения. Необходимо найти точку соприкосновения между различными КК, надежный диагностический контекст, позволяющий выявлять КК в разных языках, по возможности независимо от их индивидуальной сочетаемости. Такая точка соприкосновения, по-видимому, существует. Оказывается, есть класс предикатов, который с наибольшей вероятностью сочетается с произвольной КК. Это предикаты движения и позиции (предикаты, передающие такие смыслы, как *приходить, уходить, ходить, возвращаться, сидеть, стоять, лежать* и др.). К ним также примыкают такие глаголы, как *жить* и *оставаться*.

Можно утверждать, что всякая собственно комитативная конструкция сочетается с глаголами движения и позиции. В результате расширения сочетаемости «в обиход» КК могут попадать и другие классы предикатов. Так, в агульском языке КК с показателем *-qaj* образуется в первую очередь от глаголов движения; «возможны также глаголы совместной деятельности»; «первый этап грамматикализации — распространение сочетаемости на симметричные предикаты» [Мерданова, Плунгян 2002].

Таким образом, предложения вида *X пришел в (место) Z с Y-ом* могут служить **диагностическим контекстом** для выявления комитативных конструкций в произвольном языке.

3. ФОРМАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ КОМИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

3.1. ОБЩАЯ СТРУКТУРНАЯ СХЕМА КОМИТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ И ПАРАМЕТРЫ ВАРЬИРОВАНИЯ

3.1.1. ЭЛЕМЕНТЫ КОМИТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Собственно комитативная конструкция (КК) соответствует некоторой ситуации С, имеющей двух элементарных участников (ЭУ), семантическая роль которых в С одинакова. (Разумеется, у ситуации С могут быть и другие участники с другими ролями.) В прототипическом случае между ними есть различие коммуникативного плана: статус одного из ЭУ ближе к теме, статус другого — к реме.

Пусть в предложении ситуация С обозначается (синтаксическим) предикатом П. Выражения, обозначающие ЭУ, мы будем называть центральной ИГ (ЦИГ) и периферийной ИГ (ПИГ). Та ИГ, которая занимает более престижную синтаксическую позицию (например, подлежащего), и есть центральная; другая же ИГ, занимающая менее престижную синтаксическую позицию (например, косвенного дополнения), и/или несущая косвенное морфологическое маркирование, будет периферийной. Элементарный участник, обозначаемый центральной ИГ, будет в дальнейшем называться Ориентиром; ЭУ, обозначаемый периферийной ИГ — Спутником.

3.1.2. ТРИ СТРУКТУРНЫХ УРОВНЯ РЕАЛИЗАЦИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКА

В общем случае существует три способа передачи изображенной выше семантической структуры. Они различаются синтаксическим уровнем, на котором реализуется множественность участника.

Уровень ИГ

Выражения, обозначающие Спутник и Ориентир, являются составляющими одной именной группы, которая подчиняется предикату П. Одно из них (периферийная ИГ) имеет косвенное маркирование.

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[Солженицын]

(3.1) *И [Клара [с Иннокентием]] тоже пошли за ними.*

колымский юкагирский < ЮКАГИРСКИЕ

[Maslova 2003: (5-66b), 134]

(3.2) ta:t mon-delle mukolaj-die egor-die-n'e abuda:l'el-rji

СА сказать-SS:PF [Николай-DIM Егор-DIM-COM] лежать-INFR-3PL:INTR

Сказав так, Николай и Егор легли.

В данном типе различия между ЦИГ и ПИГ чисто морфологические: с точки зрения синтаксиса обе ИГ ведут себя как сочиненные. Для таких конструкций предлагается термин «сочинительные комитативные конструкции».

Уровень предикации

Именные группы, обозначающие Спутник и Ориентир, не образуют составляющей; каждая из них подчиняется предикату П. Одна из них занимает более периферийную синтаксическую позицию, чем другая.

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[Искандер]

(3.3) *[Чик] поехал в Чегем [с маминым братом дядей Кязымом].*

(3.4) kie, met-n'e qon met numö-ŋin
 друг я-СОМ идти(IMP:2SG) мой дом-DAT
Друг, пойдём [= иди] со мной ко мне домой.

(3.5) waš jaš-ēna w=ā
 брат девочка-СОМ М=приходить
Пришел брат с девочкой.

Уровень предложения

Выражения, обозначающие Спутник и Ориентир, входят в разные предикации, возглавляемые одноименными предикатами П, причем одна из предикаций подчиняется¹⁸ другой.

(3.6) maHammad-i-r awal že-rā-X-(l)ēna rasul-i-r že-rā-X ek'a
 [Магомед-OBL-ERG дом делать-IPF-CONV-COM] Расул-OBL-ERG делать-IPF-CONV есть
(Пока) Магомед строит дом, Расул (тоже) строит.

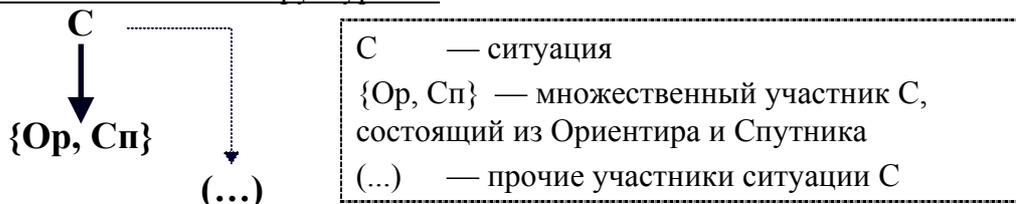
В исследованной языковой выборке (около 80 языков), а также в выборке из 260 языков, использованной в работе [Stassen 2000], не встретилось ни одного языка, где первый способ (плюрализация на уровне ИГ) или последний (плюрализация на уровне предложений) был бы единственным доступным из трех. Во всех случаях представлен также второй способ реализации множественного участника — на уровне предикаций.

В то же время, существуют языки, лишенные сочинительных комитативных конструкций. Сюда относятся, например, многие европейские языки (в частности, романские и германские), а также некоторые из языков, в которых не различаются комитативные конструкции и сочинение ИГ — напр., хакальтек или самоа (языки чистого типа WITH, в терминах Л. Стассена). По мнению Л. Стассена, сочинительные комитативные конструкции являются промежуточной стадией развития комитативных конструкций с соподчинением ИГ в собственно сочинительные. (Подробнее см. [Stassen 2000; Архипов 2004]). В силу высказанных соображений я считаю конструкции с единой ИГ производным типом и не включаю их в число собственно комитативных конструкций.

Сходным образом обнаруживается, что конструкции с плюрализацией на уровне предложений (сентенциальные) существуют только наряду с несентенциальными как дополнительная, но не основная структурная возможность. Основная их функция — маркирование фоновой предикации, а не выражение множественного участника. Таким образом, в дальнейшем наше внимание будет сфокусировано на конструкциях с соподчинением ИГ — именно их мы считаем собственно комитативными конструкциями.

3.1.3. СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОМИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

A – Семантическая структура КК

¹⁸ Это утверждение исходит из весьма упрощенной картины, называя подчинением все то, что не является сочинением. На самом деле типы связи между предикациями не исчерпываются этими двумя; так, С. Томпсон и Р. Лонгакр считают отдельными типами соположение (juxtaposition) и нанизывание предикаций (clause chaining) [Thompson, Longacre 1985].

Б – Синтаксическая структура КК

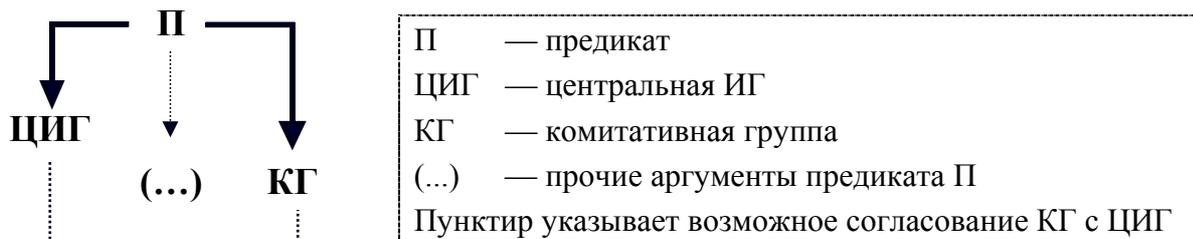

Рис. 1. Общая структура КК

Первый структурный параметр, определяющий способ реализации КК,— локус маркирования комитатива, т. е. местонахождение показателя комитатива относительно элементов КК. По этому параметру КК разделяются на конструкции с дополнительной предикацией, с зависимым маркированием, с вершинным маркированием и их подтипы (§ 3.2). Вторым параметром, или, точнее, группой параметров, отвечает за ограничения на структурный ранг центральной ИГ (например, КК может быть возможна только при ЦИГ-подлежащем) и комитативной группы (§ 3.2.5).

3.2. ЛОКУС МАРКИРОВАНИЯ КОМИТАТИВА

В комитативных конструкциях маркироваться может как связь между Ориентиром и Спутником (§ 3.2.1), так и связь между Спутником и Ситуацией (§§ 3.2.2–3.2.4).

Выделяются следующие стратегии маркирования:

- 1) Неморфологическое маркирование:
 - а) Дополнительная предикация
 - i) маркированно подчиненная предикация (конверб)
 - ii) немаркированная предикация (коверб)
 - iii) маркированно подчиняющая предикация
- 2) Морфологическое маркирование:
 - а) Зависимое маркирование
 - i) предлог/послелог (+ падеж)
 - ii) непадежный аффикс
 - iii) падеж
 - iv) сентенциальное маркирование
 - б) Вершинное маркирование
 - i) актантная деривация
 - ii) инкорпорация [в собственно КК не обнаружена]
- 3) Нулевое маркирование [в собственно КК не обнаружено]

3.2.1. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ

В данной стратегии маркируется отношение между Спутником и Ориентиром. Спутник вводится при помощи отдельной предикации, так что центральная и периферийная ИГ являются ее ядерными актантами.

К. Леман и Й.-М. Шин выделяют две разновидности этой стратегии маркирования [Lehmann, Shin, unpublished: 24]. В одной из них дополнительный предикат эксплицитно морфологически оформляется как нефинитный и подчиненный (депричастие, или конверб; см. [Haspelmath 1995]). В другой разновидности дополнительный предикат не имеет никакого специального маркирования. Вслед за В. Бизангом в таких случаях мы будем говорить о сериализации: «Глагольная сериализация есть немаркированное соположение двух или более

²⁰ У существительных в ительменском имеются два комитативных падежа и абэссив (лишительный падеж).

глаголов или глагольных групп (с подлежащим и/или дополнением или без оных), каждый(-ая) из которых мог(-ла) бы также сам(-а) по себе составить предложение» [Bisang 1995: 139].

корейский < АЛТАЙСКИЕ

[Lehmann, Shin, unpublished: (53a), 32]

(3.7) *kə-nən atəl-ul teli-ko phathi-e ka-ss-ta* КОНВЕРБ
 3.SG-TOP [сын-ACC **сопровождать**-CONV] вечеринка-LOC уходить-PST-DECL

Он пошел на вечеринку со своим сыном.

китайский < КИТАЙСКИЕ < СИНО-ТИБЕТСКИЕ

[Lehmann, Shin, unpublished: (27), 24 < Luo 1999: 4]

(3.8) *Lisi gēn tàitai qù yīyuàn* СЕРИАЛИЗАЦИЯ
 Лисы [следовать жена] уходить больница

Лисы отвез жену в больницу.

Особенность китайской конструкции в том, что, хотя предикат *gēn* не имеет выраженного маркирования подчиненности или нефинитности, он не может принимать некоторые показатели, которые доступны для главного предиката *qù* (например, аспектуальный маркер *zhe*).

Существует и третья разновидность данной стратегии, не отмеченная К. Леманом и Й.-М. Шин. Например, в ительменском языке личные местоимения не имеют комитативного падежа²⁰, и для построения КК с личным местоимением используется аналитическая конструкция с глаголом *ч'е?льес* 'быть [совместно] с кем-то'. Основной глагол при этом употребляется в деепричастной форме на *-ки/-ка*:

ительменский < ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ

[Володин 1976: (29), 161]

(3.9) *кәмма әнна т-ч'е?ль-чен к'оль-ки* ПОДЧИНЯЮЩАЯ ПРЕДИКАЦИЯ
 1SG [3SG 1SG.A-**быть.с**-3SG.P] приходить-CONV

Я пришел с ним.

Таким образом, в третьей разновидности уже смысловый предикат получает выраженное морфологическое маркирование подчиненности, тогда как предикат, вводящий комитативного участника, выступает в финитной форме.

3.2.2. MORFOLOGICHESKOЕ MARKIROVANIЕ

В стратегиях второго типа используется не самостоятельный предикат, а морфологический показатель (аффикс, предлог/послелог), маркирующий связь между Спутником и Ситуацией. Внутри данной стратегии важное разделение проходит между вершинным и зависимым типом маркирования [Nichols 1986]: при наличии морфологически выраженной синтаксической зависимости между двумя элементами показатель этой зависимости может выражаться при главном элементе, т. е. вершине (стратегия вершинного маркирования), либо при зависимом элементе (стратегия зависимостного маркирования). В комитативных конструкциях встречается как вершинное, так и зависимостное маркирование; в некоторых случаях можно говорить о двойном маркировании (одновременно употребляются вершинный и зависимостный показатели).

Зависимостное маркирование

Рассмотрим следующие предложения:

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

(3.10) *Петя пришел к нам в гости со своей младшей дочерью.* ПРЕДЛОГ + ПАДЕЖ

тамилский < ДРАВИДИЙСКИЕ

[Asher 1985: (146), 35]

(3.11) *raaman naṅṅan-ooṭe vantaan* ПАДЕЖ
 Раман друг-СОМ приходить.PST.3SG.M

Раман пришел с другом.

(3.12) Audu ya gan-mu jiya da Binta
 Ауду 3.COMPL видеть-1PL.OBJ вчера COM Бинта
Ауду видел нас с Бинтой вчера. {меня и Бинту // нас и Бинту}

ПРЕДЛОГ

В трех приведенных примерах периферийные ИГ несут на себе комитативные маркеры: показатель особого комитативного падежа (тамилский, (3.11)), предлог, требующий определенной падежной формы (русский, (3.10)), или свободная морфема, функционирующая как предлог (хауса, (3.12)). Предикат П и центральная ИГ не имеют особых маркеров комитативной конструкции. Во всех трех предложениях ПИГ занимает наименее престижную синтаксическую позицию — косвенного дополнения. Что же касается центральной ИГ, то в (3.10)–(3.11) она находится на противоположном конце шкалы, в самой престижной позиции — подлежащего, а в (3.12) является прямым дополнением.

Вершинное маркирование

При вершинном маркировании наличие в Ситуации участника-Спутника сигнализируется глагольным показателем актантной деривации. Ср.:

(3.13) б-хIы-цы-гI-гапI
 2SG.F.NOM-1PL.DAT-COM-1PL.ERG-везти
Мы тебя (жен.) повезем с собой.

(3.14) miiqqa-t tiki-uti-nngil-akka
 ребенок-PL приходит-COM-NEG-1SG.A+3PL.P
Я не пришел с детьми.

Абазинский префикс *-ц(ы)/-ц'(ы)-* повышает число валентностей глагола: одноместный глагол ‘быть [кто: НОМ]’ превращается в двухместный ‘быть [кто: НОМ; с кем: ДАТ]’, а двухместный ‘везти [кто: ЭРГ; кого: НОМ]’ в трехместный ‘[кто: ЭРГ; кого: НОМ; с кем: ДАТ]’ (3.13). В аналогичной западно-гренландской конструкции суффикс *-uti-* также маркирует добавление глагольной валентности, но уже на прямое дополнение: непереходный глагол ‘приходить [кто: НОМ]’ становится переходным ‘приходить с (кем) [кто: ЭРГ; с кем: НОМ]’.

При этом, как и в приведенных выше примерах (3.10)–(3.12), периферийная ИГ занимает менее престижную позицию, чем центральная. Но если при зависимостном маркировании ПИГ неизменно была косвенным дополнением, а ЦИГ имела один из более высоких рангов (подлежащее, прямое дополнение), то в данном случае ЦИГ неизменно занимает самую престижную позицию (подлежащего), тогда как ПИГ — одну из менее престижных (прямое дополнение, непрямо дополнение); см. § 3.3.2.

Заметим, что оба участника могут быть выражены не полными ИГ, а только согласовательными показателями, ср. (3.13) (Ориентир и Спутник) и (3.14) (Ориентир).

3.2.3. СЕНТЕНЦИАЛЬНОЕ МАРКИРОВАНИЕ

Особая возможность морфосинтаксического оформления КК представлена в нескольких дагестанских языках, а именно в аварском, чамалинском, годоберинском и багвалинском [Kibrik (ed.) 1996; Кибрик (ред.) 2001; Maisak 2000]. В этих языках комитативные частицы присоединяются к ИГ в различных падежах (ср. (3.15), (3.16)); кроме того, они могут присоединяться и к сентенциальным составляющим, а именно деепричастным оборотам (3.17). Общей компонент семантики в сентенциальном и несентенциальном употреблении составляет «значение добавочности или фона: деепричастный оборот обозначает действие, фоновое по отношению к выраженному в главном предложении, а вводимая данным показателем ИГ — фонового участника ситуации» [Кибрик (ред.) 2001: 594].

багвалинский < АВАРО-АНДИЙС. < СЕВЕРНО-КАВКАЗС. [Кибрик (ред.) 2001: (2.75–2.76), 176–7; (5.244а), 589]

(3.15) waš jaš-ēna w=ā НОМИНАТИВ + КОМИТ
брат девочка-СОМ М=приходить
Пришел брат с девочкой.

(3.16) maHammad-i-r rasul-i-r-ēna awal žē-rā-X ek'a ЭРГАТИВ + КОМИТ
Магомед-OBL-ERG Расул-OBL-ERG-COM дом делать-IPF-CONV есть
Магомед с Расулом строят дома {параллельно каждый свой}.

(3.17) maHammad-i-r awal že-rā-X-(l)ēna rasul-i-r ПРЕДИКАЦИЯ + КОМИТ
[Магомед-OBL-ERG дом делать-IPF-CONV-COM] Расул-OBL-ERG
že-rā-X ek'a
делать-IPF-CONV есть
(Пока) Магомед строит дом, Расул (тоже) строит.

Частицы *-ēna* и *-lēna* не являются ни падежными маркерами, так как присоединяются, среди прочего, к показателям падежей (других случаев «двойного падежа» в багвалинском языке не отмечено), ни послелогоми, так как в отличие от обычных багвалинских послелогов не управляют никаким фиксированным падежом. Предполагается, что частица *-lēna* происходит из стяжения сочинительной частицы *-la* и клитики *-ēna*, которая могла служить синтаксическим показателем зависимой предикации. Присоединительная частица *-la* усматривается также в составе функционально аналогичных багвалинскому *-lēna* годоберинского показателя *-lali* и чамалинского *-lač'ā*.

В грамматике багвалинского языка [Кибрик (ред.) 2001] предложения с частицей *-(l)ēna* при косвеннопадежных формах имени (3.16) рассматриваются как предложения с деепричастным оборотом, все члены которого, кроме зависимого имени, подверглись сочинительному сокращению:

багвалинский < АВАРО-АНДИЙС. < СЕВЕРНО-КАВКАЗС. [Кибрик (ред.) 2001: (5.255а), 593]

(3.18) maHammad-i-r [rasul-i-r awal-la žē-rā-X-ēna] awal žē-rā-X ek'a
M.-OBL-ERG P.-OBL-ERG дом LA — делать-IPF-CONV-COM дом делать-IPF-CONV есть
Магомед с Расулом строят дома {параллельно каждый свой}. СОЧИНИТ. СОКРАЩЕНИЕ

Такой подход объясняет сразу несколько фактов, относящихся к сочетаемости показателя *-(l)ēna*, подтверждающая гипотезу о его происхождении из сочетания клитики *-ēna* и сочинительной частицы *-la*.

«Функции показателя *-(l)ēna* в деепричастной конструкции наиболее ясно видны при деепричастиях НСВ: прибавление *-(l)ēna* [...] превращает деепричастную конструкцию из сочинительной в подчинительную [...]. Такой вывод позволяет сделать применение к предложениям типа (5.244а) тех же тестов на сочинение/подчинение, что были применены к деепричастным конструкциям НСВ [...]. Данный контраст между деепричастными конструкциями с *-(l)ēna* и без этого показателя говорит о том, что *-(l)ēna* привносит смысл второстепенности действия, выраженного деепричастием.» [Кибрик (ред.) 2001: 592].

Транскатегориальные показатели типа *-(l)ēna*, с одной стороны, представляют зависимый тип маркирования, аналогично падежным (ср. (3.15)); с другой стороны, их способность оформлять предикативную составляющую заслуживает отдельного внимания и выделения в особый, сентенциальный подтип внутри зависимостного маркирования.

3.2.4. ИНКОРПОРАЦИЯ

Дж. Никольс [1986] причисляет инкорпорацию к вершинному типу маркирования. Для ряда смежных с комитативом категорий (в частности, инструменталиса) инкорпорация является весьма распространенной техникой кодирования. Однако инкорпорация комитативного участника — чрезвычайно редкое явление.

К. Леман [Lehmann, Shin, unpublished] объясняет это высоким положением комитативных участников на шкале агентивности и эмпатии: «Возможность инкорпорации в различных языках отрицательно коррелирует с агентивностью и эмпатией. Наиболее часто инкорпорированные участники — пациенс и инструмент. [...] Комитатив обладает низкой степенью ‘инкорпорированности’ [incorporability], поскольку он чаще всего обладает эмпатией и воспринимается как ко-агенса» [там же: 42].

Примеров собственно комитативных конструкций, где периферийная ИГ инкорпорировалась бы внутрь глагольной словоформы, в моей выборке не встретилось. Однако полностью исключать возможность такой конструкции пока представляется преждевременным.

В австралийских языках маяли (< ГУНВИНГГУ) [Evans 1997: 410] и тиви [Osborne 1974] с помощью инкорпорации кодируется копредикативный комитатив (см. § 2.4.1):

тиви < тиви

[Osborne 1974: 47]

(3.19) *ji-u'li*
он-уходить
Он ушел.

(3.20) *jii-mari-ŋiliwantuŋ-u'li*
он-СОМ-валлаби-уходить
Он взял [= унес] валлаби²¹. [= Он ушел с валлаби.]

3.2.5. ТИПЫ МАРКИРОВАНИЯ КАК ЭТАПЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Комитативные показатели связаны с разнообразными **путями грамматикализации**²²: единицы определенных формальных классов и определенной семантики имеют тенденцию со временем эволюционировать в комитативные маркеры, а те в свою очередь развиваются в показатели других типов. При этом случается, что две единицы, исторически представляющие собой один и тот же показатель, формально относятся к разным классам и реализуют различные типы (или разновидности) маркирования; границы между типами не являются стопроцентно четкими.

Например, пред-/послелого являются типичным результатом развития деепричастий (конвербов) и сериальных глаголов (ковербов): «сериальная конструкция с соположением [...] реанализируется [...] как зависимостная конструкция, в которой будущий пред-/послелог зависит от глагола, с которым ранее был на равных. Одновременно коверб теряет все словоизменительные характеристики, которые у него могли быть, т. е. теряет свойства глагола» [Lehmann 1982/2002: 93; см. тж. 92–95].

Ср. замечание М. Митун о КК в языке нутка: «[решение о том,] рассматривать ли [следующий пример] как простое или сложное предложение, зависит от того, анализируется ли последнее слово как предикат ‘быть с’ или как падежный показатель ‘с’»:

нутка < ВАКАШСКИЕ

[Mithun 1999: (2), 261 < Nakayama 1997: 78]

(3.21) *taps-²atu* *qawiqa:ɬ tuku:k* *²u-k^wink* ДОП. ПРЕДИКАЦИЯ
нырять-погружаться.в.воду Кавикаатль морской.лев 3SG-СОМ ИЛИ ПАДЕЖ
Кавикаатль нырнул в море [вместе] с морским львом.

Также хорошо известно, что послелого являются одним из важнейших диахронических источников падежных показателей (см., например, [Майтинская 1979] о происхождении падежей в финно-угорских языках, [Боргояков 1976] о хакасском и других тюркских языках; [Lehmann 1982/2002: 70–77]). К послелогам, в частности, восходят комитативные аффиксы *-ke/-ge* в марийском, *-ke* в карельском и вепсском, *-ked* в коми (ср. финский послелог *kerä* ‘с’); ливский *-ks*, эстонский *-ga*, водский *-ka/-kã*, ижорский *-(ŋ)kã/-(ŋ)kã̃* (ср. финский послелог *kanssa* ‘с’) [Майтинская 1979]. Во многих современных тюркских языках инструментально-комитативные аффиксы, как предполагается, восходят к послелогу **birlen* ‘вместе с’ (напр. шорский *-ба*, чувашский *-на(ла)*, караимский *-ба*, казахский *-мен*, чулымский *-б(ы)ла* [Боргояков 1976]). В современном турецком языке соответствующий показатель существует в двух видах: как послелог *-ile* и как падежный суффикс *-la/-le*, ср. *Elif*

²¹ wallaby — вид карликовых кенгуру.

²² Подробнее о грамматикализации см., например, [Lehmann 1982/2002; Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 1993].

в двух видах: как послелог *-ile* и как падежный суффикс *-la/-le*, ср. *Elif ile* ‘с Элифом’ vs. *Elif-le* ‘<то же>’ [Lehmann 1982/2002: 28, 30].

С другой стороны, пред-/послелогии могут развиваться в деривационные глагольные показатели путем переразложения сочетаний глаголов с предложными группами. Рассмотрим комитативно-инструментальный предлог *nda* и производные глаголы с суффиксом *-nda* в языке сонгаи:

сонгаи < НИЛО-САХАРСКИЕ

[Heath 1999: (171), §5.11.4; (202ab), §6.2.5]

(3.22) ау n-a kar [nda gaabi] ПРЕДЛОГ
 1SG TR-3SG.OBJ ударить INS/COM сила

Я ударил его с силой.

(3.23) а [koy-nda] agey hendi ra ГЛАГ. ПОК-ЛЬ
 3SG идти-INS/COM я.F там LOC

Он отвел меня туда [= Он пошел со мной туда].

(3.24) ау goo-nda [a ga] garow ГЛАГ. ПОК-ЛЬ
 1SG быть-INS/COM [3SG на] кредит

Он должен мне (денег) [= У меня на него есть кредит, букв. Я с кредитом на нем].

Здесь в примере (3.22) служебное слово *nda* выступает в своей первичной функции инструментально-комитативного предлога. В (3.23) *nda* располагается контактно со своим местоименным аргументом *agey* ‘я (жен.)’, но «фонологически сливается с глаголом». Наконец, в (3.24) *nda* непосредственно следует за глаголом, несмотря на разрыв с зависимой ИГ *garow* ‘кредит’, от которой его отделяет послеложная группа. Как сообщает Дж. Хит, *-nda* в функции глагольного суффикса образует переходные глаголы; так, из глаголов бытия образуются глаголы со значением обладания (*goo* ‘быть’ — *gonda* ‘иметь’), из глаголов движения — каузативные глаголы перемещения (*kaa* ‘приходить’ — *kanda* ‘приносить’) [Heath 1999: §6.2.5].

3.3. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ КОМИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

3.3.1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИГ

В языках, для которых релевантно понятие подлежащего, в большинстве употреблений собственно комитативных конструкций центральная ИГ является именно подлежащим, т. е. занимает наиболее привилегированную синтаксическую позицию. Поэтому существенным параметром для различения типов КК становится наличие и характер ограничений на другие, неподлежащие позиции ЦИГ. Эти ограничения существенным образом коррелируют с локусом маркирования комитатива.

В случае сериализации ЦИГ и периферийная ИГ исходно являются главными актантами дополнительного предиката ‘сопровождать / иметь / держать / брать / следовать’. При вершинном маркировании комитатива для центральной ИГ также допустима только позиция подлежащего.

При зависимостном маркировании комитативная конструкция менее жестко связана с предикатом. Поскольку маркер комитатива находится в периферийной ИГ, ее зависимость от предиката никак явным образом не указывается. С одной стороны, возникают такие употребления комитативных показателей, когда предикат-хозяин ЦИГ не является синтаксическим хозяином периферийной ИГ (определительные и сочинительные формально комитативные конструкции; см. ч. II). С другой стороны, периферийная ИГ занимает наименее престижную синтаксическую позицию — косвенного дополнения, — и поэтому теоретически может быть соотнесена с ЦИГ в любой более высокой позиции, т. е. не только с подлежащим, но и с прямым и с непрямым дополнениями.

3.3.2. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КОМИТАТИВНОЙ ГРУППЫ

В конструкциях с дополнительной предикацией позиция периферийной ИГ фиксирована: это (прямое) дополнение комитативного маркера-предиката.

В КК с зависимым маркированием КГ занимает наименее престижную синтаксическую позицию — косвенного дополнения. Возникает вопрос, является ли КГ семантическим актантом или сирконстантом (обстоятельством) вершинного предиката. С одной стороны, КГ полностью факультативна, т. е. не присутствует в модели управления предиката, и должна быть отнесена к сирконстантам. С другой стороны, семантическая роль соответствующего участника (Спутника) совпадает с ролью одного из ядерных актантов.

Еще более остро этот вопрос встает в отношении КК с вершинным маркированием. Вершинные показатели комитатива маркируют добавление **обязательной** синтаксической валентности на прямое (3.25) или не прямое (3.26)–(3.27) дополнение:

номацигенга < МАЙПУРСКИЕ < АРАВАКСКИЕ

[Wise 1990: (24), 95]

(3.25) i-pi-**ak**-ak-a-ri

3М-превращаться-COM/CAUS-PF-NONFUT.REFL-3М

Он исчез (вместе) с ним.

абхазский < АБХАЗО-АДЫГСКИЕ < СЕВЕРНО-КАВКАЗСКИЕ

[Шакрыл 1961]

(3.26) ажэ с-**а-ц'ы**-н

корова 1SG.NOM-3SG.N.DAT-COM-PST

Я пас корову [= я был с коровой].

(3.27) с-**и-цы**-н

1SG.NOM-3SG.M.DAT-COM-PST

Я был с ним.

Таким образом, периферийная ИГ в комитативных конструкциях разных типов может иметь различный синтаксический статус — прямого, непрямого или косвенного дополнения. В первом случае комитативный показатель является одним из средств образования переходных глаголов (транзитивизатором) и часто имеет также каузативную функцию. При этом наиболее близка к комитативу особая разновидность каузатива, которую М. Сибатани и П. Пардешти называют «социативным каузативом» [Shibatani, Pardeshi 2002]. Эта разновидность занимает промежуточное положение между прямой и не прямой каузацией и характеризуется тем, что каузатор сам принимает участие в ситуации, которую он каузирует:

номацигенга < МАЙПУРСКИЕ < АРАВАКСКИЕ

[Wise 1990: (23), 95]

(3.28) i-monti-**ag**-an-ë-ri

3М-переходить.реку-COM/CAUS-ABL-NONFUT-3М

Он помог ему перейти реку.

КАУЗАЦИЯ + КОМИТАТИВ

мачигенга < МАЙПУРСКИЕ < АРАВАКСКИЕ

[Wise 1990: (25), 95]

(3.29) no-pantki-t-**ag**-ak-e-ri

1-сажать-EP-COM/CAUS-PF-NONFUT-3М

Я заставил его сажать (что-то). / Я сажал (что-то) (вместе) с ним.

КАУЗАЦИЯ / КОМИТАТИВ

варгамай < ПАМА-НЬЮНГА

[Dixon 1981: (213), 78]

(3.30) ŋaɖa ɖaɖa bana-**ma**-gu

1SG.ERG ребенок возвращаться-COM/CAUS-PURP

Я должен отвести ребенка домой.

КАУЗАЦИЯ + КОМИТАТИВ

(3.31) wiŋɖi-ŋgu ŋaŋa bi:ɾa-**ma**-y

змея-ERG 1SG бояться-COM/CAUS-UNMKD

Змея напугала меня.

КАУЗАЦИЯ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

В тексте: ИГ именная группа; КГ комитативная группа; КК комитативная конструкция; ПИГ периферийная именная группа; ЦИГ центральная именная группа; ЭУ элементарный участник.

В глоссах: 1 первое лицо; 2 второе лицо; 3 третье лицо; А агенс; АСС аккумулятив; АФФ аффектив; АОР аорист; АСП аспектуальный показатель; АТТР атрибутив; АУХ вспомогательный глагол; САУС каузатив; СОМ комитатив; СОМPL комплетив; COND условие; CONV конверб; DAT датель; DIM диминутив; DECL изъявительное наклонение; DEM указательное местоимение; DET детерминант; EL элатив; EP эпентетический элемент; ERG эргатив; F женский род (класс); FUT будущее время; GEN генитив; IMP императив; INFR инферентив; INS инструменталис; INTER локализация ‘между’; INTR непереходный глагол; LA присоединительная частица; LAT латив; LOC локатив; М мужской род (класс); N средний род (класс); NEG отрицание; NOM номинатив; NONFUT небудущее время; OBJ прямое дополнение; OBL косвенная основа; P пациенс; PART причастие; PF перфектив; PL множественное число; POSS посессивность; PRS настоящее время; PST прошедшее время; PURP целевое наклонение; REC реципрок; REFL рефлексив; REL относительный показатель; SG единственное число; SOC ассоциатив; SS односубъектная форма (same subject); SUBJ подлежащее; TOP топик; TR транзитивизатор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974/1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды, т. I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
- Архипов 2004 — А. В. Архипов. Языки ‘AND’ и языки ‘WITH’: сколько делений бывает на бинарной шкале? // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2004 г.). СПб., 2004, с. 17–21.
- Архипов 2002 — А. В. Архипов. Об одном определении комитатива. // Третья зимняя типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Московская область, 29 января — 6 февраля 2002 г. М., с. 98–101.
- Белошапкина 1977 — В. А. Белошапкина. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Боргояков 1976 — М. И. Боргояков. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976.
- Виноградов. 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Володин 1976 — А. П. Володин. Способы выражения комитативности в ительменском языке. // Э. Г. Беккер (ред.) Языки и топонимия, вып. 1. Томск, 1976, с. 152–162.
- Даниэль 2000 — М. А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Джонсон 1977/1982 — Д. Э. Джонсон. О реляционных ограничениях на грамматики. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XI. М., 1982, с. 37–75. — [D. E. Johnson. On Relational Constraints on Grammars. // Syntax and Semantics, v. 8, Grammatical Relations. New York, 1977, p. 151–178].
- Зализняк, Шмелев 1999 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. О том, чего нельзя сделать вместе. // Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.). Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999, с. 450–457.
- Кибрик 1997/2003 — А. Е. Кибрик. Реляционная структура элементарного предложения. // А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003, с. 133–187. — [A. E. Kibrik. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. // Linguistic typology, v. 1, n. 3, 1997, p. 279–346].
- Кибрик 2000/2003 — А. Е. Кибрик. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: Свидетельства арчинского языка. // А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003, с. 332–368. — [A. E. Kibrik. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: свидетельства арчинского языка. // Вопросы языкознания, № 5, 2000, с. 32–67].
- Кибрик (ред.) 2001 — А. Е. Кибрик. Багвалинский язык: грамматика, тексты, словарь. М., 2001.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кинэн 1976/1982 — Э. Л. Кинэн. К универсальному определению подлежащего. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XI. М., 1982, с. 236–276. — [E. L. Keenan. Towards a Universal Definition of “Subject”. // Ch. Li (ed.). Subject and Topic. New York, 1976, p. 303–333].
- Коваль, Нялибули 1997 — А. И. Коваль, Б. А. Нялибули. Глагол фула в типологическом освещении. М., 1997.
- Крылов 2002 — С. А. Крылов. Морфемика современного монгольского языка. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.

- ЛЭС 1990 — В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Майтинская 1979 — К. Е. Майтинская. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.
- Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии, т. 2. М., Вена, 1998.
- Мерданова, Плунгян 2002 — С. Р. Мерданова, В. А. Плунгян. Комитатив в агульском языке: семантика и статус. Доклад на XI Коллоквиуме Европейского общества кавказоведов (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–22 июня 2002 г.).
- Никольс 1985 — Дж. Никольс. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV. М., 1985, с. 342–387.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Смолина 2004 — М. Ю. Смолина. Комитатив/инструментальный падеж в старокрымском диалекте урумского языка. // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2004 г.). СПб., 2004, с. 96–99.
- Табулова 1976 — Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1976.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Харитонов 1982 — Л. Н. Харитонов. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982.
- Шакрыл 1961 — К. С. Шакрыл. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961.
- Anderson 1994 — J. M. Anderson. Case. // The Encyclopedia of language and linguistics, v. 2. Oxford; New York; Seoul; Tokyo, 1994, p. 447–453.
- Asher 1985 — R. E. Asher. Tamil. (Croom Helm Descriptive Grammars). London etc., 1985.
- Bisang 1995 — W. Bisang. Verb serialization and converb — differences and similarities. // M. Haspelmath and E. König (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin, 1995, p. 137–188.
- Comrie 1981 — B. Comrie. Language universals and linguistic typology. Oxford, 1981.
- Cole 1985 — P. Cole. Imbabura Quechua. (Croom Helm Descriptive Grammars). London etc., 1985.
- Dixon 1972 — R. M. W. Dixon. The Dyirbal language of North Queensland. (Cambridge Studies in Linguistics, 9). Cambridge, London, 1972.
- Durie 1987 — M. Durie. Grammatical relations in Acehnese. // Studies in language, v. 11, 1987, p. 365–399.
- Evans 1997 — N. Evans. Role or cast? Noun incorporation and complex predicates in Mayali. // A. Alsina, J. Bresnan and P. Sells (eds.). Complex Predicates. Stanford, 1997, p. 379–430.
- Fillmore 1968 — Ch. Fillmore. The case for case. // E. Bach and R. T. Harms (eds.). Universals in linguistic theory. N. Y., 1968, p. 1–90.
- Fortescue 1984 — M. Fortescue. West Greenlandic. (Croom Helm Descriptive Grammars). London, 1984.
- Gil 1994 — D. Gil. The structure of Riau Indonesian. // Nordic Journal of Linguistics, v. 17, 1994, p. 179–200.
- Gil 1999 — D. Gil. Riau Indonesian as a pivotless language. // Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.). Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999, с. 187–211.
- Gil 2004 — D. Gil. Riau Indonesian *Sama*: Explorations in Macrofunctionality. // M. Haspelmath (ed.). Coordinating Constructions. (Typological Studies in Language, n. 58). Amsterdam, 2004, p. 371–424.
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category. // M. Haspelmath and E. König (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin, 1995, p. 1–55.
- Heath 1999 — J. Heath. A Grammar of Koyraboro (Koroboro) Senni: The Songhay of Gao, Mali. (Westafrikanische Studien, Band 19). Köln, 1999.
- Heine et al. 1991 — B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer. Grammaticalization. A conceptual framework. Chicago & London, 1991.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. // Language, v. 56, 1980, p. 251–299.
- Hopper, Traugott 1993 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. The middle voice. Amsterdam, Philadelphia, 1993.
- Kibrik (ed.) 1996 — A. E. Kibrik (ed.). Godoberi. (LINCOS Studies in Caucasian Linguistics, v. 2). München, Newcastle, 1996.
- Kuno 1987 — S. Kuno. Functional syntax. Anaphora, discourse and empathy. Chicago, 1987.
- Lehmann 1982/2002 — C. Lehmann. Thoughts on grammaticalization. (Second, revised edition). (ASSIDUE: Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt, n. 9). 2002.
- Lehmann 1991 — C. Lehmann. Predicate classes and PARTICIPATION. // H. Seiler, W. Premper (eds.). PARTICIPATION. Das sprachliche Erfassen von Sachverhalten. (LUS, 6). Tübingen, 1991, 183–239.
- Lehmann, unpublished — C. Lehmann. Cognitive roles, participant roles and syntactic relations.

- Lehmann, Shin, unpublished — *C. Lehmann, Yong-Min Shin*. The functional domain of concomitance: A typological study of instrumental and comitative relations.
- Levinsohn 1976 — *S. H. Levinsohn*. The Inga Language. Paris, 1976.
- Luo 1999 — *L.-P. Luo*. Studien zu seriellen Verbkonstruktionen. Ihre Syntax und Semantik im Chinesischen. (Linguistische Arbeiten, 396). Tübingen, 1999.
- Maisak 2000 — *T. Maisak*. Typology of comitative: a summary. Electronic document, 2000.
- Maslova 2000 — *E. Maslova*. Reciprocal and Polyadic: Remarkable reciprocals in Bantu. // V. P. Nedjalkov (ed.) (to appear). Typology of Reciprocal Constructions.
- Maslova 2003 — *E. Maslova*. A Grammar of Kolyma Yukaghir. (Mouton Grammar Library 27). Berlin, New York, 2003.
- Mithun 1988 — *M. Mithun*. The Grammaticalization of Coordination. // J. Haiman and S. A. Thompson (eds.). Clause Combining in Grammar and Discourse. Amsterdam, Philadelphia, 1998, p. 331–359.
- Mithun 1999 — *M. Mithun*. The languages of native North America. (Cambridge language surveys). Cambridge, 1999.
- Nakayama 1997 — *T. Nakayama*. Discourse-pragmatic dynamism in Nuu-chah-nulth (Nootka) morphosyntax. Ph.D. dissertation, University of California, Santa Barbara, 1997.
- Nichols 1986 — *J. Nichols*. Head-marking and dependent-marking grammar. // *Language*, v. 62, 1986, p. 56–119.
- Osborne 1974 — *C. R. Osborne*. The Tiwi Language: Grammar, myths and dictionary of the Tiwi language spoken on Melville and Bathurst Islands, Northern Australia. Canberra, 1974.
- Payne 2002 — *D. Payne*. Causatives in Asheninka: The case for a sociative source. // M. Shibatani (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. (TSL, 48). Amsterdam, Philadelphia, 2002, p. 485–505.
- Poulos 1990 — *G. Poulos*. A linguistic analysis of Venda. Pretoria, 1990.
- Schlesinger 1979 — *I. M. Schlesinger*. Cognitive structures and semantic deep structures: the case of the instrumental. // *Journal of Linguistics*, v. 15, n. 2, 1979.
- Schlesinger 1989 — *I. M. Schlesinger*. Instruments as agents: on the nature of semantic relations. // *Journal of Linguistics*, v. 25, n. 1, 1989.
- Schultze-Berndt, Himmelmann 2004 — *E. Schultze-Berndt, N. P. Himmelmann*. Depictive secondary predicates in cross-linguistic perspective. // *Linguistic Typology*, v. 8, n. 1, 2004.
- Schwartz 1991 — *L. Schwartz*. Category asymmetries in Hausa Asymmetric Coordination. // *BLS*, v. 17: Special issue on African language structures, 1991, p. 222–230.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — *M. Shibatani, P. Pardeshi*. The causative continuum. // M. Shibatani (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. (TSL, 48). Amsterdam, Philadelphia, 2002, p. 85–126.
- Stassen 2000 — *L. Stassen*. AND-languages and WITH-languages. // *Linguistic Typology*, v. 4, n. 1, 2000, p. 1–54.
- Stassen 2001 — *L. Stassen*. Predicative possession. // M. Haspelmath et al. (eds.). *Language Typology and Language Universals: an international handbook*, v. 2. Berlin, New York, 2001, p. 946–960.
- Stolz 1996a — *T. Stolz*. Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im crosslinguistischen Überblick. // *Papiere zur Linguistik*, v. 54, n. 1, 1996, p. 3–65.
- Stolz 1996b — *T. Stolz*. Some instruments are really good companions — some are not. On syncretism and the typology of instrumentals and comitatives. // *Theoretical Linguistics*, v. 23, n. 1–2, 1996, p. 113–200.
- Stolz 2001a — *T. Stolz*. Comitatives vs. instrumentals vs. agents. // W. Bisang (ed.). *Aspects of Typology and Universals*. Berlin, 2001, p. 153–174.
- Stolz 2001b — *T. Stolz*. To be with X is to have X: comitatives, instrumentals, locative, and predicative possession. // *Linguistics*, v. 39, n. 2, 2001, p. 321–350.
- Wise 1990 — *M. R. Wise*. Valence-Changing Affixes in Maipuran Arawakan Languages. // D. L. Payne (ed.). *Amazonian Linguistics: Studies in Lowland South American Languages*. Austin, 1990, p. 89–115.